
ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

ББК 60.542.21

А. Л. Шишелякина

ФЕМИНИННОСТЬ В ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОГО ИСТЕБЛИШМЕНТА

Российский истеблишмент, состоящий из социально активных акторов, представляющий собой руководящий класс, занимает социально доминирующие позиции в российском обществе, задает ориентиры и тренды развития общественно-политических и социальных отношений. Анализ гендерных дискурсивных практик истеблишмента проявляет представления этого «класса» относительно гендерных стереотипов, ролей, сценариев и в целом гендерного порядка, а в итоге векторов проводимой гендерной и — шире — социальной политики.

Гендерная экспертиза дискурсов политиков, общественных деятелей и различных «элит» проводилась неоднократно. К исследованию данной проблемы обращались Е. А. Здравомыслова и А. А. Тёмкина [5, 6, 7], Н. Л. Пушкарёва [16, 17, 18], О. А. Хасбулатова [23], Т. Б. Рябова [19, 20] и другие. Однако они анализировали прежде всего дискурсы федеральной власти и в меньшей степени обращались к изучению региональной риторики, что на самом деле не менее важно, поскольку политическое пространство, несмотря на его крайнюю централизацию (особенно в последние годы), все же является многоуровневым. В данной статье автор стремится восполнить этот пробел.

На материале Тюменской области предпринята попытка проследить динамику дискурса региональной официальной власти, общественных деятелей и журналистов по проблеме репрезентации фемининности и женских социальных ролей в период окончания 1980-х — первое десятилетие 2000-х гг. для обнаружения дискурсивных противоречий, постсоветской трансформации понимания гендера в общественно-политических и социальных отношениях.

Методологическими основами исследования являются подходы исторический (как подход социальных трансформаций) и гендерный. Их сочетание — эффективный аналитический инструмент для понимания складывания механизмов гендерного неравенства, его воспроизводства и трансформации, а также сопротивления ему в разные исторические эпохи. Используются и конкретно-исторические методы: историко-генетический, сравнительно-исторический и дискурс-анализ.

© Шишелякина А. Л., 2015

Эмпирическую базу исследования представляет официальная пресса 1985—2013 гг., выходящая в Тюменской области, а именно газеты «Тюменский комсомолец», «Тюменская правда», «Тюменские известия», «Тюменская область сегодня». Будучи официальными, они отражают дискурсы истеблишмента области, что и составляет предмет исследования. В указанных изданиях отбирались все публикации, посвященные проблеме репрезентации женственности и вообще «женского», число которых составило более 1500.

Основными параметрами анализа публикаций являлись: дата, информационный повод ее появления, автор статьи (или высказывания), основные проблемы, собственно дискурсы и ключевые слова. Для работы с прессой составлялась аналитическая база данных, в которой соотносились хронологические периоды и дискурсы региональной элиты, что и позволило выявить дискурсивную динамику и проследить взаимосвязи.

На излете советского времени, в связи с изменением общественно-политического климата (начало перестройки и политики гласности), докладом М. С. Горбачёва на XXVII съезде КПСС [4, с. 73], а затем и первого секретаря Тюменского областного комитета КПСС Г. Б. Богомякова [2, с. 3], проблематизация фемининности была подхвачена региональным истеблишментом. В соответствии с тематикой, задаваемой партийными документами, в Тюмени были проведены конференции «Задачи советов женщин в свете решений XXVII съезда КПСС» и «Семья в современных условиях развития тюменского региона: проблемы, поиски, решения», которые освещались в СМИ. Эти события привлекли внимание официальных лиц, общественных деятелей и журналистов к женской тематике.

Общественные деятели обращались к исследуемому сюжету в контексте вопросов о воспитании детей, об особенностях семейных и супружеских отношений («половой морали»), о беременности, абортах и др. Также обращалось внимание на взаимоотношения поколений: матерей и дочерей, свекровей и невесток. В конце 1980-х — начале 1990-х гг., когда социальная политика страны не была эффективной, остро обсуждался вопрос социальной защиты материнства и многодетных семей. Актуализированной в общественном сознании была и тема совмещения женщинами ролей матери и работницы, возникающих в этой связи гендерно-ролевых конфликтов, инфантильности мужчин. Важно, что в публикациях, комментариях общественных деятелей женская тематика всегда рассматривалась в контексте семейных отношений. Практически не встречалось публикаций, поднимающих женскую или семейную тему как самостоятельную.

Посредством областной прессы общественные деятели в конце 1980-х гг. конструировали преимущественно традиционные образцы фемининности: «Я хочу, чтобы девочкам прививали женственность, чтобы они готовились стать матерями, хозяйшками, воспитывали то, для чего предназначены» (методист Дома культуры) [10, с. 3]. Женственность, таким образом, связывалась с внешней привлекательностью и, непременно, с выполнением социальных ролей внутри семьи: матери, супруги, хозяйки. Кроме того, эти традиционные для женщины роли дополнялись производственной нагрузкой: «...многие ли разговаривают со своими дочками о том, какими они даже на производстве должны оставаться красивыми, жизнерадостными и женственными...» (председатель

профкома СПТУ № 28) [12, с. 3]. Общественные деятели, как и официальные, транслировали нормативные образы женщин — «работающих матерей», соответствующие этакратическому гендерному контракту, доминировавшему в рассматриваемый период. Вместе с тем необходимо отметить наличие (особенно к концу 1980-х гг., после объявления политики гласности) критического отношения к контракту «работающей матери»: «Мы перестали замечать, что многие наши женщины делают далеко не женскую работу, да еще несут на своих хрупких плечах груз не только производственных, но и общественных, и домашних забот...» (кандидат в народные депутаты СССР от женсоветов) [24, с. 3].

Наряду с традиционным дискурсом к концу 1980-х гг. существовал и дискурс равенства. Кандидат в народные депутаты Тюменского городского Совета В. Никитина в ответ на письмо А. Доморощиной «На кухню, а не в президиум», опубликованное в «Тюменской правде», писала следующее: «Не могу согласиться... что не должно быть слышно голоса женщины в общественно-политической жизни, в представительных органах. Пока что остается фактом: мужчины (а их большинство во всех эшелонах власти) не обеспечивают улучшения жизни людей, и прежде всего нас, женщин... Не очень-то сильный пол, засевши у нас в Тюмени в горкоме, исполкоме, депутатском корпусе, в руководстве главков и управлении, заботится о женщинах и детях...» [22, с. 3]. Этот дискурс, расширяющий социальные и политические возможности женщины, был сопряжен с критикой отдельных элементов существовавшего политического режима.

Пресса того времени отражала отношение общественных деятелей к ненормативным образам женщин, к их ненормативному поведению. Во-первых, за границу нормы выводилась «мужеподобная» женственность. Во-вторых, стигматизации подвергались женщины, отказывающиеся от воспитания детей и в целом от выполнения роли матери. Так, в одной из статей «Тюменской правды», где обсуждалась ситуация финансирования Тюменского детского дома, приводится мнение ветерана Великой Отечественной войны Чеглакова о женщинах, оставляющих детей в детских домах: «Ничья любовь не заменит родительскую. Сироте без родителей легче перенести свое горе... Сирота при живой матери, которая родила и ушла, с самого детства несет на себе заряд злости... Я целиком и полностью поддерживаю тех, кто выступает против детского фонда. Где нужно, где не нужно — всюду используют имя В. И. Ленина. Да, Владимир Ильич любил детей, но он наложил вето на проституцию. А мы взяли бесплатно воспитывать детей, которых на наших глазах бросают проститутки. Разве это не прямое поощрение безответственности?» [15, с. 3].

Журналисты же поднимали интересующую нас проблематику в контексте социальных проблем: состояния родильных домов; трудностей получения социальных льгот, пособий многодетным семьям; «кризиса» семейных отношений (ранняя беременность, аборт, девальвация маскулинности и разводы). Были и публикации, которые обращались к «женскому» сюжету как самостоятельному. В них журналисты сообщали об общественной, профессиональной деятельности своих героинь, их успехах, а также печатали «полезные советы» по домоводству, уходу за собой и пр.

Поводами для обращения к этому вопросу были различные события в стране и области, например конференции, спортивные соревнования, показы

Тюменского Дома мод, конкурсы красоты и материалы, приуроченные к календарным датам (8 Марта, Новый год) и др.

В позднесоветский период нормативная фемининность в публикациях журналистов конструировалась через создание/поддержание соответствующего образа, подкреплявшееся фобиями утраты женских качеств и ролей: «...не кажется ли вам, что все реже мы называем женщин “слабым полом”? Ведь как они закалены во всевозможных житейских передрыгах!...» [25, с. 1]. Причиной тому называлось участие женщин в трудовых, производственных отношениях: «Согласитесь, мы привыкли видеть в женщине прежде всего труженицу, а уже затем мать» [13, с. 1]. Вместе с тем образ успешной советской женщины — труженицы, работницы, совмещающей свою деятельность с домашними и бытовыми заботами, — был весьма расхожим среди журналистов, что иллюстрировало комплементарность их деятельности по отношению к официальной риторике и гендерному контракту «работающей матери».

Существовали и публикации журналистов, направленные на разрушение сложившихся традиционных укладов. Это материалы о «половом просвещении», контрацепции, абортах и их последствиях. «Что нам говорили о профилактике беременности? Если разобраться — пустые фразы, от которых ни врачам, ни женщинам ни тепло ни холодно! Аборт, дескать, — это очень плохо, если нет, как минимум, троих детей, а лучше пятерых. После пятерых аборт — уже совсем неплохо!» [8, с. 3]. В публикациях, конечно, присутствовала риторика равенства, сопряженная с критикой отдельных элементов политического режима. Однако, в отличие от общественных деятелей, журналисты оставляли за пределами своего рассмотрения вопросы равного участия женщин и мужчин в общественной и политической жизни страны, равного доступа к реализации в этих сферах.

Среди отобранных материалов журналистов позднесоветского времени велико число тех, где использовались негативные ярлыки в отношении женщин, их поведения. Во-первых, журналисты не напрямую, а опосредованно обвиняли женщин, живущих с мужчинами, страдающими алкоголизмом, применяющими физическое насилие в отношении женщин и детей. Во-вторых, негативная коннотация использовалась применительно к женщинам, отказывавшимся от выполнения материнской роли, например оставляющим детей в родильных домах или приходящим на аборт.

С изменением политического режима в стране, децентрализацией политической власти оформился региональный официальный дискурс. В 2000-х гг. его основными акторами были: губернатор Тюменской области (до 2005 г. С. С. Собянин, затем по настоящее время В. В. Якушев), вице-губернатор (С. М. Сарычев), заместители губернатора, мэры г. Тюмени (С. М. Киричук, Е. В. Куйвашев, А. В. Моор), руководство Тюменской областной думы (С. Е. Корепанов). Они обращались к женской теме в первую очередь в связи с праздниками: 8 Марта, Днем матери (с 1998 г.), Днем семьи, любви и верности (с 2008 г. известном в православном календаре как День Петра и Февронии). С 2006 г. сюжеты о «женском» поднимались официальными лидерами, в том числе в контексте обсуждения и реализации федеральных и областных программ по укреплению института семьи, поддержке материнства, улучшению демографической ситуации.

В речевых конструкциях первых лиц области женщины были представлены в комплементарных по отношению к мужчинам ролях — матери, жены, сестры, подруги, оказываясь объектом/субъектом для вдохновения и поддержки мужчины: «...дорогие наши мамы, жены, дочери, сестры! <...> С давних времен и до наших дней женщина остается олицетворением красоты, милосердия, терпения, любви, символом жизни. Вы храните семейный очаг, дарите новую жизнь, растите детей...» [11, с. 2]. Другая женская ипостась, репрезентируемая чиновниками, — работающая мать: «...стремясь обеспечить достойную жизнь своих детей, женщины работают на производстве, активно занимаются общественной деятельностью, искусством, делают научную или политическую карьеру. Но при этом вы всегда остаетесь для своей семьи доброй и понимающей хранительницей домашнего очага...» [26]. Таким образом, официальные лица воспроизводили традиционный дискурс.

Общественные и религиозные деятели, преподаватели вузов, исследователи обращались к женской тематике по случаю календарных праздников, публичных мероприятий (гражданский форум, круглый стол), конкурсов («Женщина-директор года», «Современная. Сильная. Совершенная. Руководительница»).

До 2004—2005 гг. общественные деятели в отношении женской тематики, отраженной в СМИ, все еще сохраняли дискурсивное разнообразие: репрезентировались и равноправные, и традиционные парадигмы. Равноправная риторика транслировалась зачастую общественницами (ученые и общественные деятели) поколения 1990-х гг. Содержание этой риторики было наполнено идеями о переходе от юридического равенства к фактическому, о равном участии женщин и мужчин в политической сфере общества, о социальных гарантиях женщин, участвующих в социально-экономической жизни (нормирование рабочего дня для беременных женщин, а также соблюдение трудового законодательства в отношении женщин, уходящих в декретный отпуск и отпуск по уходу за ребенком). «...Равное представительство мужчин и женщин во власти и при принятии государственных решений есть основной ключ к решению общественных проблем...» [3, с. 1], — отмечала, к примеру, профессор С. Моор на одном из публичных мероприятий.

Традиционные взгляды репрезентировались через контракт «работающей матери», который также поддерживался общественницами: «...благодаря своей природной мягкости, милосердию, терпению и выдержке женщины могут внести неоценимый вклад в процесс принятия решений главных общественно-политических, социально-экономических, законотворческих задач. Мы не собираемся перекладывать на плечи мужчин то, что предназначено нам тысячелетиями: хранить домашний очаг, воспитывать и растить детей, вдохновлять мужей...» [1, с. 8].

В период 2006—2009 гг. большая часть материалов, посвященных феминности, была сопряжена с проблематизацией семейных и этнонациональных отношений.

После 2006—2007 гг., в связи с Посланиями Президента и его региональным вариантом — посланием губернатора Тюменской области, были артикулированы демографические проблемы, решение которых связывалось

с повышением рождаемости и укреплением института семьи. Вместе с институционализацией религии и взвешенной этнонациональной политикой Тюменской области доминирующую роль занял традиционный дискурс. В информационном пространстве Тюменской области на пересечении таких тем, как демография, семья, религия и этнос, оказалась женщина вообще и ее сексуальное поведение и репродукция. С увеличением этнизации социальных отношений и деятельностью националистических организаций к 2010—2012 гг. в отношении женщин проявлялась даже не традиционная риторика, а биологизаторская! «Русы, храните нравственную славянскую чистоту. Расовая и нравственная чистота — залог красивых и здоровых детей» — обращение (призыв) на фотографии, где изображена молодая женщина, держащая младенца [21].

Нами не выявлено в публикациях общеобластной прессы явной стигматизирующей риторики общественных деятелей в отношении женщин. Однако, по сравнению с позднесоветским периодом, более четко оформилось, устоялось представление о нормативной женственности.

Журналисты в 2000-х гг. обращались к проблеме реализации женщины в профессии: особенностям женской успешности, предпринимательства и менеджмента, а также совмещению профессии и семейных обязанностей. С 2006 по 2007 г. значительно увеличилось количество публикаций о материнстве, выполнении социальных программ, поощряющих рождаемость (материнский (семейный) капитал), а также национальных проектах, имеющих отношение к поддержанию института материнства и семьи. Важно обратить внимание, что с этого же времени появляются материалы, посвященные укреплению данного социального института в различных этнонациональных группах — русских, татар, чувашей и др. Поводами, инициирующими публикации журналистов о «женском», являлись, как и ранее, календарные даты, различные мероприятия, а также Послание Президента, в котором обозначался тренд, направленный на стимулирование повышения рождаемости и укрепление института семьи, и послание губернатора, в котором намечались механизмы реализации этих мер и программ на областном уровне. Стоит отметить, что в «Тюменской правде» в 2000-х гг. появились новая рубрика «Он и Она» и отдельные номера газет, где обсуждались особенности взаимоотношений мужчин и женщин, супружеских и семейных отношений.

Дискурсы журналистов отличались разнообразием. С одной стороны, их риторика поддерживала традиционный официальный и общественный тренд. В прессе встречались публикации, объективирующие внешность женщин. По-прежнему наиболее значимой социальной ролью женщины представлялась материнская. Образ матери конструировался посредством материалов о благоприятном возрасте для беременности и родов, о психоэмоциональном состоянии во время вынашивания ребенка, о его рождении и воспитании. Публикации репрезентировали образы работающих и многодетных матерей.

Паритетная риторика использовалась значительно реже. Журналисты через призму равенства иллюстрировали образы женщин, добившихся успехов в профессии: «Сегодняшние женщины стремятся сделать свой собственный, осознанный выбор. Они добиваются успеха в политике и бизнесе наравне с мужчинами. Это женщины, которые заявляют о себе с достаточной определенностью» [9]. Дискурс равенства в некотором смысле распространялся

и на семейные отношения и быт. Встречались публикации о смене ролей, трансформации всего гендерного порядка: «Разве еще лет двадцать назад могло кормильцу семьи прийти в голову, что однажды его благоверная заявит: “Сиди-ка ты, милый, лучше дома с детьми, а я буду делом заниматься”. Разве считали бизнесмены каких-то там бизнес-леди серьезными партнерами?» [14]. Интересно также и то, что женские образы помещались в несвойственный ранее контекст: говорилось об участии женщин в Великой Отечественной войне, работе в правоохранительных органах и пр.

В целом в дискурсах журналистов в 2000-х гг. негативных коннотаций в отношении женщины и семьи не прослеживалось.

Итак, дискурсы истеблишмента Тюменской области трансформировались почти за три десятка лет причудливо и сложно.

Официальные лица Тюменской области и обслуживающие их журналисты на протяжении исследуемого периода повторяли сформулированное политическим руководством страны и Тюменской области. При этом, справедливо ради, стоит сказать, что дискурсы общественных деятелей отличались некоторой вариабельностью. Если в выступлениях высшего руководства звучали лишь обоснования традиционного гендерного контракта, то на местах транслировались и фрагменты паритетной концепции семейных отношений, ориентированных на гендерную симметрию.

Некоторые общественные деятели вплоть до начала 2000-х гг. осмыслили гендерные отношения с позиции равенства, что характеризовалось их призывами к созданию для женщин равных возможностей с мужчинами в политических и социально-экономических отношениях. Но с конца 1990-х и особенно в 2000-х гг. в риторике практически всех деятелей общественной сферы доминировал традиционный дискурс. В прессе мощно зазвучали призывы к женщинам возрождать свои «природные» качества, материнство вновь стало рассматриваться в терминах биологического предназначения женщины и сквозь призму его первостепенной значимости для реализации в семье и обществе. Указанный дискурс поддерживался Русской православной церковью и русскими общественными организациями, нацеленными на возрождение «всего национального». За пределы нормативности с конца 1990-х гг. оказалась вынесена «мужеподобная» женственность, отказ женщин от воспитания ребенка (детей) и соответственно концепция «чайлд-фри», отложенное родительство и сознательный отказ от выполнения роли матери. В начале 2000-х гг. эти темы поднимались в прессе все реже и общим подходом стало непривлечение внимания ко всему, что вырывалось за пределы традиционных предписаний.

Доминирующим дискурсом журналистов Тюменской области на протяжении изучаемого периода был традиционный. Постсоветский консервативный дизайн их статей строился на идее о том, что забота о домочадцах — главный смысл жизни женщин, в то время как их профессиональная занятость изображалась как опциональная. Лишь единичные публикации, рассказы об успешных в социальном плане женщинах, отличались ориентацией на гендерное равенство. Зато в те же самые годы во множестве статей материнская идеология (она же идеология «традиционных ценностей») фактически закрепляла

за женщинами двойную нагрузку как «данную от природы необходимость». Женщины, откладывая родительство, отказывающиеся сознательно от материнства (делавшие аборт, оставлявшие ребенка в детском доме в силу недостаточности заработка и отсутствия социальной защиты и поддержки), а также незамужние, карьерно-ориентированные женщины оценивались как декомпенсированные в личном плане, замещающие семейный уют успешностью вне дома. Получалось, что в любом случае вопрос упирался в проблему совмещения профессиональной занятости и семейных обязанностей. Отдельные прогрессивно мыслящие журналисты не определяли общественных настроений в регионе в целом, но их голос все же имел значение для выработки представлений о нормативной женственности. От явной стигматизации женской успешности, осуществляемой в конце 1980-х, дискурсы истеблишмента отказались в 2000-х гг. и в конечном счете пришли к замалчиванию проблемы, отодвиганию ее в число неприоритетных.

Библиографический список

1. *Ахметшина А.* Когда наступит женская эпоха? // Тюменская правда. 2001. № 13. С. 8.
2. *Богомяков Г. Б.* Итоги работы XXVII съезда КПСС и задачи областной партийной организации, вытекающие из его решений : доклад первого секретаря Тюменского обкома КПСС // Тюменская правда. 1986. № 75. С. 3—4.
3. Гендерный баланс и социальная справедливость // Тюменские известия. 2004. № 42. С. 1.
4. *Горбачёв М. С.* Политический доклад ЦК КПСС XXVII съезду КПСС // Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. URL: <http://soveticus5.narod.ru/85/yxxvii.htm> (дата обращения: 07.02.2013).
5. *Здравомыслова Е., Тёмкина А.* Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе // О муже(н)ственности. М. : Новое лит. обозрение, 2002. С. 432—452.
6. *Здравомыслова Е. А., Тёмкина А. А.* Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1, № 304. С. 299—321.
7. *Здравомыслова Е. А., Тёмкина А. А.* Социальное конструирование гендера // Социологический журнал. 1998. № 3—4. С. 186—197.
8. Извольте... аборт? // Тюменский комсомолец. 1989. № 135. С. 3.
9. Какая она, женщина-лидер? // Тюменская область сегодня. 2009. URL: <http://www.tumentoday.ru/2009/01/14/> (дата обращения: 03.03.2013).
10. *Карповцева Д.* А если мужчины не справляются? // Тюменская правда. 1990. № 93. С. 3.
11. *Киричук С. М.* Поздравление с 8 Марта // Тюменская правда. 2005. № 39. С. 2.
12. *Космачёва З.* Как живешь, женсовет? : хозяйский разговор // Тюменская правда. 1987. № 182. С. 3.
13. Между нами говоря // Тюменская правда. 1988. № 56. С. 1.
14. Не львица и не кокетка // Тюменская область сегодня. 2009. URL: <http://www.tumentoday.ru/2009/03/19/> (дата обращения: 03.03.2013).
15. Поощрение порока // Тюменская правда. 1988. № 256. С. 3.
16. *Пушкарёва Н. Л.* Где больше власти — там меньше женщин : (гендерная экспертиза законодательства и текущей законотворческой деятельности высших органов власти РФ, 1991—2006 гг.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. 2008. Т. 5, вып. 1.

17. *Пушкарёва Н. Л.* Гендерная система советской России и судьбы россиянок // Новое литературное обозрение. 2012. № 5. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2613> (дата обращения: 05.01.2015).
18. *Пушкарёва Н. Л., Пушкарёв А. М.* Ранняя советская идеология 1918—1928 гг. и «половой вопрос»: (о попытках регулирования социальной политики в области сексуальности) // Советская социальная политика 1920—1930-х гг.: идеология и повседневность / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова; ЦСПГИ. М.: Вариант, 2007. С. 199—228.
19. *Рябова Т. Б.* Маскулинность в политическом дискурсе российского общества: история и современность // Женщина в российском обществе. 2000. № 4. С. 19—26.
20. *Рябова Т. Б., Рябов О. В.* Настоящий мужчина российской политики?: (к вопросу о гендерном дискурсе как ресурсе власти) // Политические исследования. 2010. № 3. С. 289—294.
21. Страница тюменского русского националиста. URL: <http://vk.com/id21193509> (дата обращения: 17.05.2012).
22. Тюменская правда. 1990. № 93. С. 3.
23. *Хасбулатова О. А.* Гендерные стереотипы в политической культуре: специфика российского опыта // Женщина в российском обществе. 2001. № 3—4. С. 17—24.
24. *Шульдешова В. А.* Женский вопрос нужно решать: интервью // Тюменская правда. 1989. № 48. С. 3.
25. Этот сильный слабый пол // Тюменская правда. 1988. № 57. С. 1.
26. *Якушев В. В.* Поздравление с Днем матери // Тюменская область сегодня. 2011. URL: <http://www.tumentoday.ru/2011/11/26/> (дата обращения: 27.02.2013).

ББК 60.561.9

Е. М. Колесникова

ПЕРСПЕКТИВЫ (ДЕ)ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ ЗАБОТЫ О ДЕТЯХ-ДОШКОЛЬНИКАХ: ГУВЕРНЕРЫ КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ГРУППА

В России сегмент услуг по присмотру, уходу за детьми дошкольного возраста и их воспитанию представлен довольно разнообразно. В советский период он включал в основном государственный сектор (довольно развитая сеть государственных и ведомственных яслей и детских садов) и неформальный частный сектор (в основном труд самой матери и/или с привлечением родственниц — бабушек, тетушек и др.). В современный период соприисутствуют государственные и частные, формальные и неформальные услуги. Они объединяют широкий диапазон предложений на базе дошкольных образовательных организаций (от классических государственных и частных детских садов до групп развития) и индивидуальных услуг специалистов (няни, гувернеры, узкие педагоги и др.).

© Колесникова Е. М., 2015

Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 12-03-00490 «Процессы актуального российского рынка услуг дошкольного образования».